

RU

Мировоззренческие контексты развития русской приключенческой прозы первой трети XX века

Неграш С. В.

Аннотация. Цель исследования - определить специфику развития отечественной приключенческой прозы в первой трети XX века, выявить, какое влияние оказывали на мировоззрение русских писателей и темы их произведений историко-социальные факторы. Научная новизна обусловлена комплексным характером исследования, демонстрацией отношения к массовой литературе в переходный период в России, с 1901 по 1933 годы. В результате показано, что целый корпус самобытных художественных текстов, написанных на высоком литературном уровне, очутился на периферии русского литературного процесса из-за отсутствия крупной фигуры, равнозначной ведущим западным писателям-приключенцам, и не сумевшей сформироваться альтернативной «красному Пинкертону» равнозначной отечественной школы приключенческой прозы.

EN

Worldview Contexts of the Development of Russian Adventure Prose in the First Third of the XX Century

Negrash S. V.

Abstract. The study aims to identify the specifics of the development of Russian adventure prose in the first third of the XX century, to determine the impact that historical and social factors had on the worldview of Russian writers and the themes of their works. Scientific novelty is accounted for by a comprehensive nature of the study, the demonstration of the attitude to mass literature during the transition period in Russia, i.e. from 1901 to 1933. As a result, it has been shown that a whole body of original fiction texts of a high artistic quality found itself on the periphery of the Russian literary process due to the absence of a major figure tantamount to the leading Western adventure writers and an alternative Russian school of adventure prose tantamount to the “red Pinkerton”.

Введение

Историко-социальные факторы, изменение мировоззрения масс значительно повлияли на развитие приключенческой прозы в России в первой трети XX века, в это сложное для нашей страны время многие сильные с художественной точки зрения произведения прошли незамеченными и, соответственно, до сих пор малоизучены или вообще не введены в научный дискурс.

Актуальность темы обусловлена противоречием между растущим интересом к отечественной приключенческой литературе и многочисленными лакунами в научном дискурсе. Задачи: во-первых, проанализировать, как подействовал массовый запрос в 1901-1917 годах на судьбу русской приключенческой прозы; во-вторых, продемонстрировать, какое влияние оказал на нее идеологический заказ в 1920-х – начале 1930-х годов; в-третьих, выявить причины, по которым целый корпус уникальных по затрагиваемым ими темам текстов отечественных авторов, вышедших в первой трети XX века, остался на периферии русского литературного процесса.

Для достижения поставленной цели использованы метод теоретической поэтики, а также социокультурный метод и метод целостного анализа литературного произведения. Теоретической базой служат научные труды Н. А. Богомолова (2002), Д. Д. Николаева (2006; 2010), М. А. Черняк (2007), Дж. Брукса (Brooks, 1985) и М. Шварцца (Schwartz, 2014); критические статьи «Нат Пинкертон и современная литература» К. И. Чуковского (2012), впервые опубликованная в 1908 году, и «Наши Майн-Риды и Жюль Верны» Я. С. Рыкачева (1929); рецензия на монографию Маттиаса Шварцца В. И. Борисова (2016) и рецензия на роман «Государство Солнца» Николая Смирнова С. В. Обручева (1928), а также содоклад С. Я. Маршака (1934) о детской литературе на Первом Всесоюзном съезде советских писателей, очерк «Как я писала “Месс-Менд”» М. С. Шагинян, цитируемый

по изданию 1956 года, и роман «Агентство Пинкертона» Л. Я. Гинзбург (1932). Особое внимание уделено двум работам Н. И. Бухарина (1926; 1927): неоднократно публиковавшейся статье «Научимся влиять на молодежь», цитируемой по изданию 1926 г., и докладу «О коммунистическом воспитании молодежи в условиях нэпа» (1922 г.), цитируемому по изданию 1927 г.

Практическая значимость заключается в том, что результаты работы можно использовать в курсах по истории и теории литературоведения, а также при дальнейших исследованиях массовой литературы.

Основная часть

Изначально приключенческая литература служила только для того, чтобы просвещать читателей, сообщать им в увлекательной форме о жизни в других странах, основываясь на рассказах и записках путешественников – допустим, Даниэль Дефо при работе над «Робинзоном Крузо» опирался на историю боцмана Александра Селькирка, прожившего на необитаемом острове с 1704 по 1709 годы. Но очень быстро у нее появилась еще одна функция, а именно идеологическая.

Авторы не просто описывали динамичные приключения во всех частях света, в настоящем и прошлом, но и выводили в качестве положительных героев своих соотечественников, неизменно одерживающих победу над врагами. Некоторые писатели, следуя примеру Дефо, изображали и духовное преображение героя, изменение его мировоззрения. Характерным примером может служить роман «Сергей Петрович Лисицын, русский Робинзон» Николая Сибирикова, впервые изданный в 1870 году. В нем автор живописует, как постепенно меняется мировоззрение «русского Робинзона», как Лисицын становится лучше, как он переживает за отечество и делает все на благо своей страны, что только может в его непрестом положении.

Но ситуация в литературе быстро изменилась. Как отмечает Д. Д. Николаев (2010) в работе «Литература как пропаганда»: «Рубеж XIX-XX вв. и первая треть XX века в России, да и не только в России – это эпоха кризиса и попыток его преодоления. Был ли кризис объективно или прежде всего проявлялся кризис сознания – вопрос спорный, но нет сомнений, что в это время происходил коренной пересмотр мировоззренческих систем, затрагивающий не отдельные представители общества, а значительную его часть» (с. 494).

К началу XX века в Российской империи начался самый настоящий бум бульварной литературы. Но ее художественный уровень часто был невысок. Корней Чуковский (2012) писал в статье «Нат Пинкертон и современная литература» (1908 г.): «Теперь у нас принято сваливать все на реакцию, но какая же это реакция, – это нашествие, это наплыв, это потоп, а не реакция. И когда я вижу, что наша интеллигенция вдруг исчезла, что наша молодежь впервые за сто лет оказалась без “идей” и “программ”, что в искусстве сейчас порнография, а в литературе хулиганство, я не говорю, что это реакция, а я говорю, что это нахлынул откуда-то сплошной готтентот и съел в два-три года всю нашу интеллигенцию, съел все наши партии, программы, идеологии, съел нашу литературу и наше искусство, и если где еще остались какие-нибудь неприметные корешки, – рожки и ножки, – он и те съест – так, что и сам не заметит...» (с. 36-37).

И далее автор задается вопросом: «Но неужели надежды нет, и наша интеллигенция, оторвавшись от народа, проглочена городским Пинкертоном навеки и невозвратно? Ведь есть же в городе не один Пинкертон, ведь может же интеллигенция стать носительницей пролетарской идеологии, и не интеллигенция, а хоть что-нибудь в нашей культуре может же очиститься этой идеологией, освежиться, просветлеть ею, как солнцем, и хоть ненамного облагородить наше современное бытие» (Чуковский, 2012, с. 60).

Однако не вся массовая литература была низкопробна, имелись и те самые «неприметные корешки», развлекательные тексты, созданные на высоком литературном уровне, не уступающие лучшим западным образцам и не являющиеся вторичными по отношению к ним, но они терялись в общем потоке, далеко не всегда могли привлечь внимание критиков. Большой интерес представляет работа “When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861-1917” Джеффри Брукса (Brooks, 1985), в которой особое место уделено многочисленным русским бульварным изданиям начала XX века.

Необходимо учитывать, что в первой трети XX века произошло множество важных событий в нашей стране, которые не могли не повлиять на авторов. Так, уже 7 (20) мая 1901 года ознаменовалось Обуховской обороной, столкновением рабочих с представителями властей, в 1904-1905 гг. шла Русско-японская война, с января 1905 по июнь 1907 года – Первая русская революция, с 1914 по 1918 годы – Первая мировая война, а с 1917 по 1922 годы – Гражданская война...

Таким образом, в 1901-1917 гг. в силу исторических событий в русской литературе так и не появилось крупной фигуры, равнозначной ведущим западным писателям-приключенцам – тем же итальянцу Эмилио Сальгари или немцу Карлу Маю, явного лидера, автора, который писал бы много именно приключенческих произведений на достаточно высоком литературном уровне и на чье творчество равнялись бы другие. Не сформировалось в эти годы и ярко выраженной русской школы приключенческой прозы, имеющей общие характеристики.

Но в потоке отечественной массовой литературы 1901-1917 гг. периодически встречались сильные, оригинальные приключенческие тексты. Их авторы старались не копировать зарубежные образцы, искали новые подходы, обращались к темам, редко затрагиваемым западными писателями, таким как русский Север. Здесь можно назвать того же Павла Белецкого. При этом прозаические произведения самобытных русских авторов значительно отличаются друг от друга – как по поэтике, так и по мировоззрению.

К началу 1920-х годов на сложившуюся ситуацию обратили внимание деятели культуры, представители власти. Было решено, что нужно целенаправленно создать корпус текстов советской приключенческой прозы. Одним из первых на этот счет высказался Николай Бухарин (1927), произнесший речь на Пятом Всероссийском съезде РКСМ в октябре 1922 года: «...чрезвычайно мало делается для эмоционального воспитания молодежи. Между тем, что же получается? Наш противник, наш классовый враг видит наше слабое место, видит, что у нас нет достаточно литературы, материалов и т.д. Он выбрасывает соответствующую литературу. <...> Если “пинкертоновская” литература пользовалась раньше успехом среди молодежи, то естественно, что тут было что-то такое, что соответствовало некоторым чувствам. В чем же тут дело? Дело в том, что для ума требуется легкая, занятая, интересная фабула и развертывание событий, а для молодежи – в десять раз больше, чем для взрослых. Буржуазия это отлично знает и понимает. Она очень ловко ставит эти вопросы, и она свою идеологию, свои шупальцы самыми различными путями внедряет в сознание молодежи. Она создает идеологию, формирует ее, охватывает молодежь, а мы этого не умеем. <...> Вот почему перед нами встает вопрос о всяких революционных романах...» (с. 126-127).

Многие положения его речи нашли отражение в его же неоднократно публиковавшейся статье «Научимся влиять на молодежь»: «А посмотрите на нашу молодежь! Что она представляет собой? Жизненный опыт у нее громаден. Часто это – превосходные практические работники. А тем не менее у них громадные пробелы в мировоззрении. И вот именно теперь, когда все силы уже не ухлопываются на войну, перед массой молодежи выплывают с необычайной мощью тысячи вопросов и сомнений. Кто помогает им разрешать эти вопросы? Почти никто» (Бухарин, 1926, с. 174-175).

Н. Бухарин (1926) подчеркивает: «Нужна широчайшая популяризация марксистского мировоззрения наряду с распространением и углубленным марксистского знания. А у нас нет – или почти нет – даже соответствующей литературы» (с. 175). Бухарин вновь указывает на методы буржуазии: «У нее были увлекательные романы, рассказы, даже специальные “уличные” издания, в роде приключений Ната Пинкертона, и прочее. Скажут: “Вы договариваетесь до абсурда”. Нисколько. Вся эта литература часто бывала грязной. Но она влияла на чувство, читалась и обрабатывала юношество в духе “сыскного” романтизма и охраны господства буржуазии...» (с. 175). Он заключает: «...нам необходимо обратить внимание на популяризацию нашего мировоззрения; нам необходимо влияние не только на умы, но и на чувство молодежи. Тогда мы станем привлекать ее в свои ряды в гораздо более широком масштабе, чем теперь» (с. 176).

Высказанное Н. Бухариным мнение инициировало создание нового литературного направления «красный Пинкертонов» или «коммунистический Пинкертонов», в котором зачастую важную роль играет фантастический элемент. Название произошло от появившегося в начале XX века и до сих пор переиздающегося цикла о приключениях Ната Пинкертона, «короля сыщиков»; его же прототипом является Алан Пинкертонов, американский сыщик. Характерный образец «красного Пинкертона» – цикл «Месс-Менд» Мариэтты Шагинян, начатый романом «Месс-Менд, или Янки в Петрограде» (1924). Шагинян (1956) вспоминала о том, как ей пришла в голову идея романа: «...я заметила заманчивый фельетон о том, что нам, советским людям, необходимо создать для молодежи свою приключенческую литературу и своего “красного Пинкертона”...» (с. 340)

«Месс-Менд» Мариэтты Шагинян подробно разобран в работе «Авантюрный роман как зеркало русского символизма» Н. А. Богомолова (2002). В целом феномен «красного Пинкертона» хорошо изучен в научном дискурсе: к примеру, ему посвящен один из разделов монографии “Expeditionen in andere Welten. Sowjetische Abenteuerliteratur und Science-Fiction von der Oktoberrevolution bis zum Ende der Stalinzeit” Маттиаса Шварца (Schwartz, 2014, с. 45-272), высоко оцененной специалистами, включая В. И. Борисова (2016). Также «красному Пинкертонову» уделено немалое место в учебном пособии «Массовая литература XX века» М. А. Черняк (2007) и докторской диссертации «Русская проза 1920-1930-х годов: авантюрная, фантастическая и историческая проза» Д. Д. Николаева (2006), где он пишет: «Отличительной чертой, объединяющей большинство подобных книг, является и масштаб описываемых событий: в конечном итоге речь идет либо о всемирной революции, либо о мировом заговоре империалистов, либо о мировой войне. Одной из причин “глобализации” являются изменения в проблематике: заменяя религиозное социальным, высшую силу силой общественной, писатели в то же время пытались не размениваться на частности и сохранять общий характер проблемы» (с. 10-11).

Из-за диктата «красного Пинкертона» и обилия откровенно эпигонских текстов сильная с художественной точки зрения русская приключенческая проза, выдержанная в классическом ключе, вновь оказалась в тени, лишь немногие критики обращали на нее внимание – тот же С. В. Обручев, сын известного писателя и ученого В. А. Обручева, будущий лауреат Сталинской премии I степени (1946) и член-корреспондент АН СССР (1953), в 1920-х годах порой писал рецензии на заинтересовавшие его приключенческие книги, созданные вне типичного «красного Пинкертона».

С. В. Обручев (1928) в рецензии на роман «Государство Солнца» Николая Смирнова, опубликованной в журнале «Печать и революция» № 6 за 1928 год, озвучил главные требования к приключенческой прозе: «...занимательность фабулы, верная передача исторических и географических фактов и идеологическая целесообразность или, по крайней мере, безвредность. Кроме того повесть должна быть литературно написана – и если от автора не требуется открытия новых путей в области словесного оформления – во всяком случае он должен вполне владеть литературным ремеслом» (с. 214).

Но уже в журнале «Молодая гвардия» № 5 за 1929 г. вышла статья «Наши Майн-Риды и Жюль Верны» Я. Рыкачева (1929), в ней автор утверждал: «У нас нет литературы для юношества. Вся прежняя “литература

для юношества” – все эти Куперы, Майн-Риды, Жюль-Верны, Эмары, Марриэты – за самым малым исключением – вышла в тираж. И не в том только смысле, что несовременен трактуемый ею материал – это бы еще полбеда, – а в том, что ее мораль, ее восприятие мира, ее мышление насковзь буржуазны, созданы на потребу буржуазного юношества и рассчитаны на совершенно определенный социально-педагогический эффект. <...> Нужна ли подобная литература советскому юношеству? Об этом не может быть двух мнений. Все же, новые издания классиков и эпигонов этой литературы просачиваются на наш книжный рынок в количествах весьма изрядных как в переработанном, так и в подлинном виде. Это – большое зло» (с. 87). Критикуя существующую приключенческую литературу, Рыкачев утверждает, что «в отличие от “большой” литературы, литература для юношеского (и детского) возраста не должна отражать индивидуального мировосприятия автора со всеми его оттенками, а давать некоторую среднюю линию, как бы отстоявшееся мировосприятие эпохи» (с. 90).

Спустя три года, в 1932 году, вышел роман «Агентство Пинкертона» Лидии Гинзбург (1932), в третьей главе которого речь идет о музее Ната Пинкертона: «Книги и целые серии, рисующие деятельность короля сыщиков, широко распространены повсюду, не исключая даже России. В столице Российской империи, городе Санкт-Петербурге, издательство “Развлечение” посвятило сыщикам свыше трехсот выпусков, с общим тиражом от пяти с половиной до шести миллионов экземпляров» (с. 26). Автор, как пишет М. А. Черняк (2007), «пытается объяснить причину тотальной вездесущности масскультового события, живучесть “пинкертоновщины” не только в начале XX в., но и в 1920-е гг.» (с. 69). Далее М. А. Черняк отмечает, что «Л. Гинзбург, так же как и К. Чуковский, иронически показывает механизм рождения мифа, унифицированность запросов и вкусов читателя. Доступность способов презентации любой идеи, характерная для этой литературы, нивелирует как понятие авторства, так и понятие национальной специфики литературы» (с. 70).

В 1934 году состоялся Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Самуил Маршак (1934) говорил на нем, в частности, о многочисленных трудностях, с которыми сталкиваются авторы, пишущие исторические произведения для детей и подростков, о том, что им приходится тяжелее, чем их предшественникам, бравшим «готовую идею казенно-идеалистического образца, тысячу раз уже использованную, разношенную, как старый башмак» (с. 36). Он утверждал, что на отечественных авторах «лежит слишком ответственная задача: увидеть подлинные социальные причины событий и в то же время не обезличить истории» (с. 36).

Первый Всесоюзный съезд советских писателей 1934 года дал новый толчок развитию приключенческой прозы в нашей стране, появились сильные произведения, которые на этот раз уже не прошли незамеченными: «Охотники на мамонтов» Сергея Покровского (1937 г.), «Приключения капитана Врунгеля» Андрея Некрасова (сокращенный вариант был издан в 1937 г. в журнале «Пионер», первое книжное издание – в 1939 г.), «Тайна двух океанов» Григория Адамова (сокращенный вариант вышел в газете «Пионерская правда» в 1938 г., первое книжное издание – в 1939 г.) и др.

Заключение

Начавшая было развиваться с 1870-х годов самобытная русская приключенческая проза в первой трети XX века оказалась сначала в тени типичной пинкертоновщины, откровенно эпигонских произведений, полюбившихся нетребовательной публике, а затем «красного Пинкертона», порожденного идеологическим заказом. Таким образом, целый корпус сильных с художественной точки зрения и уникальных по затрагиваемым ими темам текстов русских авторов, вышедших в первой трети XX века, остался, за редким исключением, малоизвестен, а следовательно, недостаточно изучен или даже не введен в научный дискурс, во-первых, из-за отсутствия крупной фигуры, равнозначной ведущим западным писателям-приключенцам, и, во-вторых, из-за не сумевшей сформироваться альтернативной «красному Пинкертому» равнозначной отечественной школы приключенческой прозы.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в том, чтобы, опираясь на статьи критиков, воспоминания современников и научные работы, вычленив из общего пласта русской приключенческой прозы первой трети XX века наиболее значимые произведения, написанные вне основного потока «красного Пинкертона», выявить их концептуальные схождения и расхождения с западной приключенческой прозой, исследовать взаимосвязь историко-социальных факторов и мировоззрения героев, определить особенности мировоззренческой эволюции героя отечественных произведений, установить основные приемы поэтики, используемые тем или иным автором.

Источники | References

1. Богомолов Н. А. Авантюрный роман как зеркало русского символизма // Вопросы литературы. 2002. № 6.
2. Борисов В. И. Как убивали фантастику: рецензия на книгу: Шварцц М. Экспедиции в другие миры // Новый мир. 2016. № 10.
3. Бухарин Н. И. Научимся влиять на молодежь // Бухарин Н. И. Борьба за кадры: речи и статьи. М. - Л.: Молодая гвардия, 1926.
4. Бухарин Н. И. О коммунистическом воспитании молодежи в условиях нэпа (доклад тов. Бухарина) // Пятый Всероссийский съезд РКСМ 11-19 октября 1922 года. Стенографический отчет. М. - Л.: Молодая гвардия, 1927.

5. Гинзбург Л. Я. Агентство Пинкертона. М. - Л.: Молодая гвардия, 1932.
6. Маршак С. Я. Содоклад С. Я. Маршака о детской литературе // Первый Всесоюзный съезд советских писателей - 1934. Стенографический отчет. М.: Художественная литература, 1934.
7. Николаев Д. Д. Литература как пропаганда // В поисках новой идеологии: социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920-1930-х годов / отв. ред. О. А. Казнина. М., 2010.
8. Николаев Д. Д. Русская проза 1920-1930-х годов: авантюрная, фантастическая и историческая проза: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2006.
9. Обручев С. Рецензия на роман «Государство Солнца» Николая Смирнова // Печать и революция. 1928. № 6.
10. Рыкачев Я. Наши Майн-Риды и Жюль Верны // Молодая гвардия. 1929. № 5.
11. Черняк М. А. Массовая литература XX века. М.: Флинта; Наука, 2007.
12. Чуковский К. И. Нат Пинкертон и современная литература // Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 15-ти т. Изд-е 2-е, электр., испр. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. Т. 7. Литературная критика. 1908-1915 / предисл. и коммент. Е. Ивановой.
13. Шагинян М. Как я писала «Месс-Менд» // Шагинян М. Месс-Менд. М.: Детгиз, 1956.
14. Brooks J. When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861-1917. Princeton (N.J.): Princeton University Press, 1985.
15. Schwartz M. Kommunistische Pinkertons - Entwürfe und Varianten populärer Abenteuerliteratur (1917-1932) // Schwartz M. Expeditionen in andere Welten. Sowjetische Abenteuerliteratur und Science-Fiction von der Oktoberrevolution bis zum Ende der Stalinzeit. Köln - Weimar - Wien: Bohlau Verlag, 2014.

Информация об авторах | Author information



Неграш Сергей Вячеславович¹

¹ Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, г. Санкт-Петербург



Negrash Sergei Vyacheslavovich¹

¹ Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg

¹ s_negrash@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 19.01.2022; опубликовано (published): 31.03.2022.

Ключевые слова (keywords): приключения; приключенческая литература; красный Пинкертон; коммунистический Пинкертон; мировоззрение; adventures; adventure literature; red Pinkerton; communist Pinkerton; worldview.